

«Для успешной реиндустириализации нужна другая система управления»

О проблемах, связанных с реструктуризацией экономики, рассуждает ведущий научный сотрудник Института экономики РАН, доктор экономических наук, профессор Олег Сухарев.

Российская промышленность, несмотря на тяжелые последствия экономического реформирования, все еще обладает значительным потенциалом и возможностями, которые не используются государством. Чтобы задействовать этот резерв, нужно решать задачу реструктуризации экономики и создавать систему управления экономикой. Так считает наш собеседник – **ведущий научный сотрудник Института экономики РАН, доктор экономических наук, профессор Олег Сухарев.**

Мы – единственная в мире страна, полностью обеспеченная топливно-энергетическими ресурсами, водными и лесными запасами, сельхозугодьями. Однако без устойчивого и технологически современного отечественного перерабатывающего сектора экономики нечего и думать о том, чтобы превратить имеющиеся ресурсы в извлекаемые запасы, то есть в капитал. Поэтому восстановление и вывод на новый технологический уровень обрабатывающей промышленности можно считать не просто первоочередной задачей, а единственным шансом занять достойное место в мировой экономике. Эта задача намного сложнее, чем может показаться в первом приближении.

– Реиндустриализация, как известно, рассматривается в качестве основы российской промышленной политики. Применительно к российской экономике это означает перевод промышленности на высокотехнологичный уровень и отказ от сырьевой структуры. Насколько, с точки зрения экономической науки, возможна реализация подобных планов?

– То, что сырьевая экономика окончательно сформировалась и достаточно сильна, ни у кого не вызывает сомнений, поскольку, во-первых, более 50% поступлений в бюджет обеспечивает выручка от продажи сырья и продукции первичных переделов, во-вторых, в экспортно-импортных операциях минеральное сырье занимает около 70% экспорта и, наоборот, импорт оборудования составляет уже 65–70%.

Большинство экспертов осознают необходимость в развитии собственных высокотехнологичных производств, поскольку за последние годы страна несла качественные и количественные потери в обрабатывающих секторах, закрепляя тем самым сырьевой характер экономики.

Сегодня происходит процесс деиндустриализации, когда производство не просто сокращается, а становится более примитивным, теряет технологический уровень – разрушается производственная инфраструктура, сокращаются фонды,

снижаются уровень механизации и автоматизации, сложность производственных операций, сокращается интеллектуальная основа производства.

Необходимо или нет запускать процесс реиндустриализации или новой индустриализации – тоже не предмет дискуссии. Не обязательно и выискивать различия между этими терминами, что свойственно почему-то представителям разных российских экономических школ.

Кроме того, существуют совершенно неадекватные пассажи некоторых российских экономистов, будто бы реиндустриализация – это некий «возврат в прошлое». Такие клише необходимо отбрасывать, поскольку под ними нет никаких оснований, ведь речь идет о создании и развитии индустриально-технологической базы экономики.

Иными словами, необходимо воссоздание обрабатывающих секторов на новой основе, то есть промышленных систем с более высоким технологическим уровнем. Это в итоге должно привести к повышению результативности промышленности, включая производительность, к снижению ресурсоемкости, материоемкости, энергоемкости производства, улучшению иных экономических параметров.

Дело в том, что сегодняшняя российская экономика чрезвычайно низкотехнологична по всем параметрам – от управления и документооборота до конкретных промышленных систем.

Дискуссия между экономистами идет относительно того, насколько вероятен переход от сырьевой экономики к высокотехнологичной, в какие сроки он может произойти, с помощью каких ресурсов его возможно осуществить.

Все эти вопросы в разных формулировках за последние 15–20 лет не один раз поднимались экономистами, а экспертные

заключения становились основой для разработки очередной концепции научно-технологического развития страны.

Однако дальше этого никто никуда не продвинулся – пока обсуждали концепцию, разрушались оставшиеся обрабатывающие производства, и затем приходилось обсуждать уже новую концепцию.

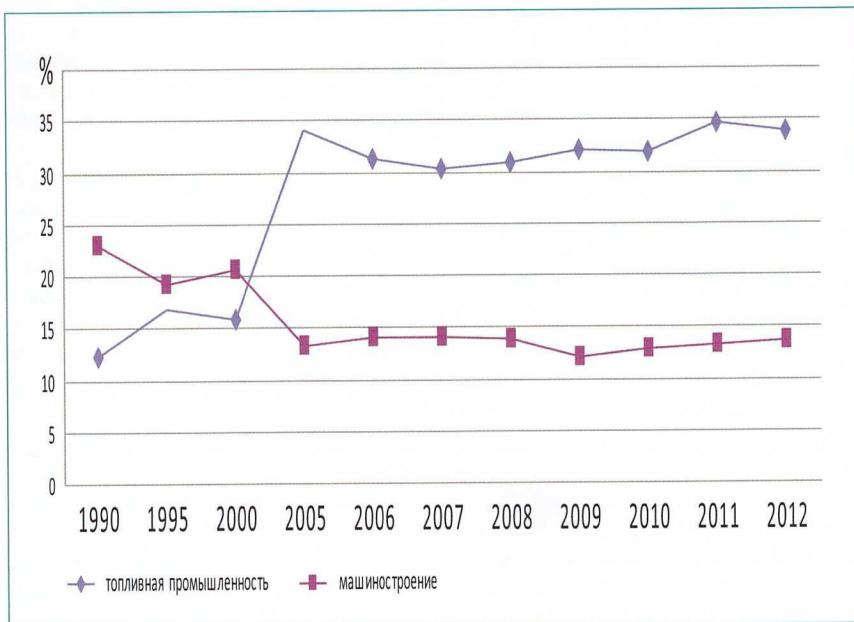
Состояние дел в обрабатывающей промышленности значительно ухудшилось: утеряно столько технологических секторов, что ряд задач по реструктуризации экономики, которые были решены в середине и даже во второй половине 1990-х годов, сегодня даже обсуждать не представляется возможным по причине утраты объектов решения. Это касается частично судостроения, отдельных направлений электроники, специального машиностроения, текстильной промышленности, станкостроения и других отраслей, не говоря уже о робототехнике, интеллектуальных системах и т. д.

С другой стороны, мы располагаем некоторыми индустриальными мощностями, оборонными разработками мирового уровня, полезными моделями, авторскими свидетельствами, запатентованными технологиями, которые можно возобновить. То есть исходная технологическая база, источники и ресурсная база для индустриальной политики все-таки еще есть.

Отсутствует основа для их развертывания и применения в широком диапазоне внутреннего рынка и на экспорт. Если говорить о вовлечении в экономику еще не задействованных в полной мере составляющих российской ресурсной базы – водных, лесных, земельных, – то их эффективная переработка также в принципе невозможна без отечественной продукции машино- и станкостроения. Следовательно, решение задачи создания отечественных средств производства является крайне необходимым.

Динамика доли топливной промышленности и машиностроения в общем объеме промышленного производства

— С чего следует начинать процесс перехода от сырьевой экономики к высокотехнологичной, чтобы сделать этот шаг наиболее эффективным?

— Общий вектор перевода экономики с сырьевого на индустриальный, по сути, должен состоять в выстраивании макроэкономической и промышленной политики таким образом, чтобы повышать общий уровень эффективности и технологичности экономики по всем направлениям, включая и добывающую, и обрабатывающую отрасли, имеющие с этими параметрами существенные проблемы.

Здесь возникает простая по формулировке, но сложнейшая с точки зрения реализации центральная задача макроэкономической политики – развертывание системы государственного планирования, в рамках которой формируется стратегия промышленной политики, общей целью которой должно быть создание сопряженных продуктовых серий внутреннего и внешнего потребления, включая средства производства.

Основная проблема и основной путь решения этой главной задачи заключается в выравнивании существующего в экономике структурного перекоса. Сырьевая экономика обнажила проблему так называемой структурной вилки. С одной стороны, есть низкодоходные секторы с высоким уровнем рисков – это фундаментальная и отраслевая наука, обрабатывающие производства, где рентабельность составляет в среднем 5–9%.

С другой – транзакционные секторы: торговля, услуги, банки и отдельно – монерально-сырьевая комплекс, где созданы

условия низких рисков при колоссальной рентабельности в 25–35% и до 40% по отдельным направлениям. Такой секторальный «разрыв» создает правило перелива ресурсов в сторону высокодоходных и относительно низкорискованных видов деятельности. В связи с этим и банковские кредиты доступны в основном для таких секторов.

Фактически такая структурная вилка, как разрыв между этими двумя секторами, выстраивается по линии «процент–рентабельность–риск» и отражает правила функционирования экономики в рамках структурного, макроструктурного и макроинституционального ограничений. Как результат, ресурсный и кадровый потенциал перемещаются в сторону наиболее рентабельных секторов.

Если проанализировать послевузовское распределение за последние годы, то мы получим картину, также подтверждающую наличие структурной вилки. Она окончательно оформилась еще к 2000 году. Если в середине 1990-х годов академик Дмитрий Львов доказывал наличие «демографического креста» на основе динамики общих коэффициентов рождаемости и смертности, а позже заговорили об «энергетическом кресте», то к 2000 году в России сложился «технологический крест».

Самое главное, что до настоящего времени линии обоих секторов структурной вилки продолжают выстраиваться параллельно. Это означает, что, несмотря ни на какие меры государственной политики, пропорция между сырьевым и обрабатывающим секторами не меняется.

— То есть успех или неуспех в развитии обрабатывающих отраслей промышленности напрямую зависит от решения системных проблем в экономике?

— Да, но на протяжении последних полутора десятков лет этого предпочитали не замечать или не воспринимать те, от кого зависит принятие экономически важных решений государственного уровня. Проблема в том, что если из года в год закрывать глаза на структурную диспропорцию в экономике и способствовать тем самым перетоку финансовых и трудовых ресурсов в рентабельные секторы, то численность занятых в обрабатывающих отраслях снизится в разы, что и произошло. С этим была потеряна интеллектуальная база развития и крайне важная информация.

Интересно, кто в таком случае займет 25 млн высокотехнологичных рабочих мест? Из 144 млн населения экономически активная часть составляет примерно 76–78 млн, за вычетом 6% безработных остается немногим более 70 млн человек. Все они определенным образом уже распределены между двумя секторами.

И из этого общего количества работающих нужно, чтобы 25 млн человек – то есть почти треть, ведь других или дополнительных кадров у нас нет – предпочли высокотехнологичные места в производственном секторе. Какие это будут отрасли? Где, в какой части страны будут созданы эти рабочие места? Ответа нет, хотя речь идет о работающих специалистах, а также о новых кадрах, которые завтра вольются в экономику и уже сегодня должны получать нужное образование.

Решение задачи видится в переобучении специалистов и ином характере труда, включая и изменение направления вектора перемещения трудового ресурса в рамках указанной структурной вилки.

Таким образом, общую системную задачу надо сформулировать так, чтобы перенаправить вектор ресурсов. Если удастся это сделать, то начнется выравнивание по рентабельности между группами секторов. К примеру, в Великобритании НИОКР имеет рентабельность 10–12%, нефтехимия – 17–20%, а в России соответственно 5–7% и 25–35%.

Как только начнется выравнивание между секторами, можно будет говорить об инвестициях в обрабатывающий сектор и об увеличении в дальнейшем его доли в ВВП, в бюджетных доходах и экспортре. Здесь сразу возникает несколько стратегий, которые потребуют отдельных государственных решений по экспортноориентированной продукции, по насыщению внутрен-

нега рынка – этот процесс связан с воздействием на коэффициент локализации производства, и т. д.

– Разве такие усилия не предпринимались раньше?

– Было бы неверным считать, что в стране не было мероприятий по созданию и реализации промполитики, например, в виде программ развития отдельных секторов промышленности. Другое дело, насколько все это было эффективным в тот период. Макроструктурные и макроинституциональные модификации и воздействия были сильнее.

Когда по различным вопросам в этой сфере сталкивались либералы и градуалисты, то их столкновения, по сути, были беспочвенны: одни выступали за госрегулирование и промполитику, другие – за конкурентные рынки и гарантии частной собственности. Вместе с тем уже в начале 2000-х годов и одни и другие начали говорить о «структурном маневре», реструктуризации, а некоторые экономисты писали об этом еще раньше, в начале и середине 1990-х.

В течение двух десятилетий в стране были приняты отдельные программы развития производств, программа конверсии ВПК, отраслевые программы промышленности – все это в институциональном смысле представляет собой элементы воздействия на промышленность и ее структуру, а следовательно, является, как я уже сказал, компонентами промышленной политики.

Проблема низкой эффективности многих из этих программ заключается в том, что не было создано единой системы планирования, а подходы к планированию и носители знаний в области планирования были отринуты, что явилось колоссальной ошибкой. Отраслевые программы были локальными, они никем не координировались и необходимый переток ресурсов не создавали.

Не было и единой государственной промышленной политики. Достаточно сказать, что за последние семь лет правительство своими постановлениями меняло приоритеты промышленного и научно-технического развития 11 (!) раз, а закона о промышленной политике нет до сих пор!

Макроструктурные и макроинституциональные изменения в экономике конца 1990-х – начала 2000-х годов оказались сильнее этих программ и их финансирования, которое велось по остаточному принципу, к тому же до 2000 года программы зачастую недофинансировались. Сильное влияние макроструктурных и макроинституциональных факторов было обусловлено

неверным общим вектором реформирования экономики, которое сопровождалось либерализацией, приватизацией, запуском инфляции, а потом ее подавлением жесткими монетарными методами без понимания природы этой инфляции. Все это привело к разрушению производственно-технических систем, в том числе их информационной компоненты.

– Что имеется в виду?

– Потерю информационной составляющей в ходе приватизации, особенно в оборонной промышленности, можно считать одним из самых ощущимых ударов по производственно-технологическим системам.

Многие руководители отраслей и отдельных предприятий это хорошо понимали, но ничего не могли поделать. Были практически уничтожены или значительно сокращены ЦНИИ экономики и конверсии военного производства, ЦНИИ «Электроника», Институт промышленного развития «Информэлектро» и другие отраслевые институты, где собирали и систематизировали уникальную информацию по электронике, электротехнике, оборонным и обороно-техническим системам – российским и мировым. Мало того, приватизация оборонных предприятий начиналась с ликвидации первых отделов, были частично утеряны техническая документация, отдельные разработки.

За рубежом любая крупная компания выделяет значительные средства на содержание маркетинговых и аналитических служб. Японские транснациональные корпорации всегда считались крупнейшими мировыми информационными центрами, соперничающими по информационному потенциалу даже с Пентагоном.

Компании засекречивают технологическую и управленческую информацию – это азбука современной конкуренции и управления в рискованном и непредсказуемом технологичном мире. Тем не менее информационной безопасностью в промышленности мы пренебрегали с самого начала изменений экономики.

Российские компании не имели на протяжении 1990–2000 годов и не имеют сейчас систем по изучению рынка, аналогичных зарубежным. Сегодня лишь отдельные госкорпорации начинают восстанавливать эту функцию, но и они не могут в этом соревноваться, а тем более конкурировать с западными фирмами.

Что касается большинства предприятий, то около 30–35% из них и без того убыточны или находятся на грани убыточности. Лет 7–8 назад таковых было 46–47% – почти каждое второе предприятие. То есть до недавнего времени рост промышленности означал, по сути, показатель, организуемый де-факто убыточными предприятиями. Такого феномена промышленная история еще не знала. К тому же этот феномен имел институциональную составляющую, потому что предприятия применяли «серые» схемы оборота средств, не показывали прибыль, уходили от налогов и так далее.

Наши предприятия в поисках заказов при взаимодействии с западными компаниями распахивают перед ними цеха, показывают производства, то есть демонстрируют странную открытость, которая оборачивается заведомым информационным, а следовательно, технологическим проигрышем. Когда же наши представители приезжают на западные корпорации, им практически ничего не показывают, то есть применяется обратная модель хозяйственного поведения.

Сегодня в российской экономике реализуется самый скверный сценарий, отражающий ту же структурную вилку: мы не производим в должном объеме оборудование даже для добычи сырья, в частности нефти.

На конец 2013 года, согласно докладу заместителя директора Института проблем нефти и газа РАН Василия Богоявленского, практически 100% бурильных установок для добычи нефти приобретаются за рубежом. Кроме того, многие специалисты отрасли давно предупреждают о снижении добычи и сокращении разведки новых месторождений. Это очень тревожный сигнал.

– Тогда закономерен следующий вопрос: как и за счет каких ресурсов будет осуществляться переход отечественной экономики от сырьевой к высокотехнологичной?

– Надо признать, что сырьевая экономика уже не справляется с поддержкой экономического роста на прежнем уровне. Более того, с конца 2013 года страна стоит перед необходимостью сокращения бюджетных расходов. Не думаю, что решение задачи реиндустиализации при правильном планировании приведет к затягиванию поясов, но правительству предстоит не на словах, а на деле сделать, наконец, основной выбор: оставлять экономику сырьевой или все-таки повышать долю высоких технологий в ВВП.

Проблема в том, что и сохранить сырьевой вектор без новых технологий невозможно – нам нужно оборудование своего производства для добычи и освоения ресурсов по всем направлениям. Следовательно, у России просто нет альтернативы развитию своей технологической базы, если мы хотим сохранить суверенитет, независимость и контроль над собственными же ресурсами.

Средства для решения столь сложной задачи есть: накопленные фонды, добавочные резервы правительства, ресурсы ТЭК и оборонного комплекса. Да, они не так велики. Есть идея осуществить трансфер отдельных технологий за счет оборонки, но такие шаги необходимо тщательно планировать и находить верные формы заимствования технологий. Этот процесс является имманентным, и для России невозможно и вредно фронтальное технологическое заимствование по всем направлениям, да и в ресурсном и техническом смысле такой вариант неправдоподобен.

Госкорпорации при правильной политике также могли бы стать «ударными» центрами мультиплексии усилий и расходов, но при условии размещения ими заказов на отечественных предприятиях.

Проблемы российской реиндустилизации заключаются в том, что придется решать задачи обновления капитала, формирования нового вида труда и технологического обеспечения одновременно. Это усложняет управление, потому что инвестиционный поток ограничен накопленными резервами и текущим объемом ВВП.

Чтобы инвестиции были наиболее эффективны, эти средства надо использовать по мультилиплицирующим направлениям при главенствующем участии государства. Но прежде хорошо бы определиться с продуктивными направлениями на внутреннем рынке, подкрепив эти решения действиями и направленностью инвестиционного потока.

Вот только один пример: в РЖД принято решение об увеличении сроков службы стрелочных переводов с двух до трех лет, поскольку из 138 000 стрелок 98 000 имеют изношенность 80–90%. При этом три российских завода не могут в ближайшие пять лет покрыть эту потребность. А вот Siemens берется за этот заказ и готов поставить за тот же срок все 138 000 изделий.

Но ведь стрелочный перевод – хоть и высокоточная, но не настолько супертехнологичная продукция, как, скажем, в микроэлектронике или субмикронных технологиях. Разработку и производство подобных относительно простых электroteхнических изделий обычно сопровождают 10–15 заводских инженеров. Тем не менее в России почему-то сложно наладить их выпуск.

Экономическая политика должна быть неуклонительной – эту задачу надо решать только российскому машиностроению, а никак не немецкому концерну.

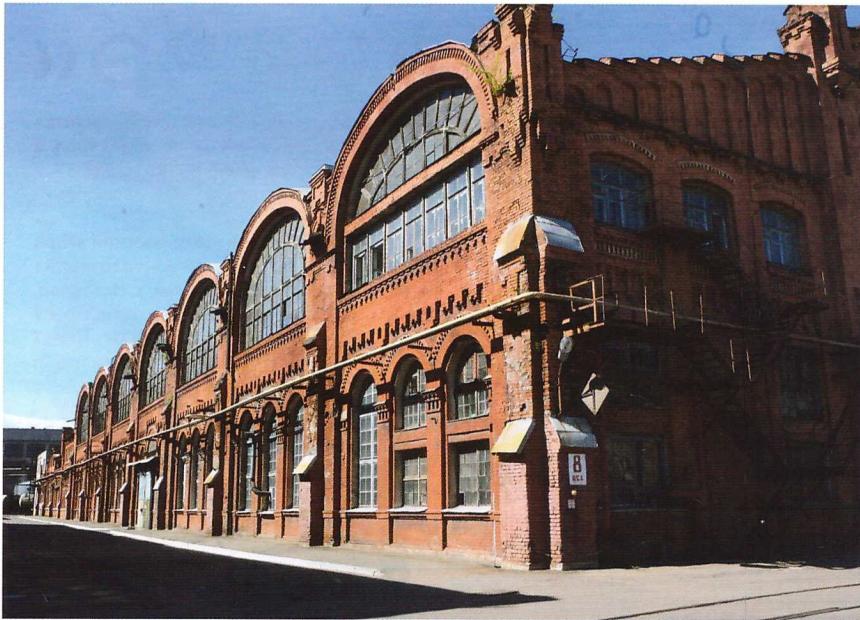
Без участия государства не обойтись, если всерьез решать проблему развития продуктовых серий промышленного и потребительского потребления. Возьмем термодиффузионные печи: у зарубежных аналогов лучше ИТ, эргономика и маркетинг, но мы выигрываем в долговечности и физике процессов. И такая картина складывается по многим средствам производства, о чем широкий потребитель даже не догадывается.

Отсутствие информационной базы привело к заказам форсунок и подшипников за границей, потому что так получается быстрее, дешевле и надежнее. В России надо потратить время, чтобы найти производителя, договориться о заказе и потом еще беспокоиться – успеет или нет изготовитель к нужному сроку. Следовательно, роль государства сводится к тому, чтобы ликвидировать технологические разрывы, иначе будет происходить дальнейшая фрагментация промышленности и освоение этих секторов зарубежными контрагентами.

– Насколько вероятным было бы противопоставить экспорту зарубежной продукции отечественные инновационные разработки?

– Я категорически против спекуляций по поводу инноваций! Было бы ошибочным провозглашать инновации основным средством и целью модернизации отечественной экономики, потому что инновации не могут быть целью.

Цель – это создавать производства и разворачивать продуктивную деятельность, потому что создание промышленных изделий автоматически подтягивает необходимость инженерной деятельности, то есть создания тех самых инноваций, патентов

и конструкторских разработок. В конце концов, инновационный процесс происходит всегда – это суть инженерного мышления и работы.

Вместо этого последние ресурсы бросятся на инновации без понимания технологических разрывов, создается перекос в пользу нанотехнологий, в то время как по технологиям общего профиля есть колossalные провалы.

На эту проблему обращал внимание еще Йозеф Шумпетер: новая комбинация в экономике отвлекает ресурс от старых комбинаций и тем самым как бы разрушает их, заимствуя у них ресурс. Но дело в том, что современные зарубежные высокотехнологичные системы построены таким образом, что требуют интерспецифического ресурса, который вне системы не имеет смысла.

Поэтому системы развиваются по закону комбинаторики, то есть создания и наращивания ресурса, а не отвлечения его. Принцип комбинаторного наращивания является важнейшим для описания технической эволюции. Он не отрицает шумпетеровского «созидательного разрушения», но и не дает его единственным способом развития промышленности, а дополняет и корректирует. То есть создавать ресурс – это само по себе инновация. Ресурс можно либо добывать и под добычу создавать средства производства, а затем и под переработку, либо грамотно перераспределять.

Проводя в 2002–2006 годах исследования в рамках развития неошумпетерианской теории экономического роста, я получил модель системы «новатор-консерватор», которая показала, что экономический рост может в качестве одного из сценариев осуществляться исключительно за счет

консервативной, а не инновационной модели поведения агентов, и инновационная даже приводит к свертыванию роста.

Когда в экономике потеряны многие внутренние рынки, свернуты отдельные виды производств и виды труда, как можно направлять ресурсы исключительно на инновации или, скажем, нанотехнологии? Это создает диспропорцию в развитии экономической системы, что не может не сказаться на экономическом росте, его темпе и качестве.

– Как вы оценили бы перспективы российской промышленной политики, особенно сейчас, в условиях вступления в ВТО и экономических санкций?

– Проблемы в российской экономике серьезнейшие. Никакими урывочными решениями чиновников, никакими гениальными предложениями ученых, никаким риторическим шапкозакидательством сложившуюся ситуацию не переломить. Тем более ее не изменить отрицанием необходимости индустриальной политики либо окононаучными склоками или «ковырянием» в терминах.

Это системная задача, связанная с вопросами планирования, управления страной, изменениями в законодательстве, с прекращением институциональной чехарды, вроде реформирования РАН в том виде, в каком оно проводится сейчас, ухудшая работоспособность системы, отвлекая кадры от решения насущных задач в области научно-технической сферы.

При этом еще не принят закон о промышленной политике – первое чтение запланировано на сентябрь, а страна уже находится в ВТО и уже несет первые убытки, что видно по сельскому хозяйству и конкретным видам продукции.

Нет закона о научно-технической деятельности, а грантовая система и тендernessкая система госзакупок в их существующем виде способны погубить любые начинания, поскольку требование низкой цены совершенно не согласуется с возможностями обеспечения качества изделия или выполнения условий контракта, а определяется зачастую коррупционными связями, неизбежными при распаде и фрагментации производственно-технологических систем и существующем институциональном выстраивании системы тендеров и грантов.

Проект закона о стратегическом планировании только обсуждается, но в предлагаемой редакции он ничего не решает, поскольку носит рамочный характер и отражает статус-кво российского планирования. Правда, закон вводит дополнительные функции для министерств и ведомств, но не предусматривает ни единого интегрирующего органа по стратегическому планированию, ни тактических мер, ни согласований между макроэкономической политикой и ее компонентами – денежно-кредитной, налоговой, бюджетной, промышленной.

И, конечно, обязателен координирующий орган, функции которого когда-то выполнял Госплан. Неважно, как он будет называться теперь, но в нем должны быть собраны грамотные специалисты, умеющие заниматься планированием и готовить законопроекты. В стране действует множество фондов и агентств, работающих в том числе при правительстве и при президенте.

Но много ли найдется сегодня экономистов, способных выполнить межотраслевой баланс, в котором были бы учтены эффективность общественного производства, ценообразование, влияние экономических и неэкономических факторов, прогнозирование структурных изменений? А когда-то такое пятилетнее планирование составляло основу советской экономики и было взято на вооружение многими зарубежными странами.

Вместо этого в среде экономистов пытаются изобретать названия, затевать дискуссии, обсуждать абстрактные экономические уклады... Какая разница, как имевовать промышленную политику – реиндустриализацией или новой индустриализацией? Государство просто должно решать главную задачу – создания необходимой для социально-экономического развития промышленной продукции в серийном назначении.

Беседовала Татьяна Рейтер